

ОГОНЕК

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

№ 8 (308). 24 февраля 1929 г.

ВАЛЬС ГРИБОЕДОВА

Очерк Ф. Н. Малинина

Чествуя память А. С. Грибоедова, необходимо коснуться мало известной стороны характера знаменитого драматурга—его необыкновенной любви к музыке.

Грибоедов был отличным пианистом—теоретиком, композитором, и во всю свою недолгую жизнь не отрывался от фортепиано.

Было бы правильно сказать, что он вообще все свое творчество неразрывно связывал со звуками.

Ведь „Горе от ума“—гордость и слава Грибоедова—начинается не с человеческой речи, а со звуков: из-за сцены слышатся фортепиано и флейта, которые должны создать настроение, подготовить зрителя. Мотив несколько грустного вальса, под который кружатся все, заканчивает третий акт и главный монолог Чацкого. И не только София и Молчалин занимаются музыкой в комедии,—к ней тянутся едва ли не все действующие лица. Даже плутовка Лиза, видимо, не для одной остротки увлекшейся парочки, но и для собственного удовольствия заводит часовую музыку и заставляет ее играть. Сам Фамусов, хотя ворчит и бранится, однако учит у иностранцев свою дочь не только музыке, но и пению. Конечно, все княжны Тугоуховские, вся московская светская молодежь проходит ту же школу: „французские романсы вам поют и верхние выводят нотки!“—так уж на Москве принято.

Саркастическое и очень меткое сравнение Скалозуба с фоготом, сделанное Чацким, могло притти в голову только музыканту—Грибоедову.

К сожалению и стыду нашему, от всего музыкального творчества, которому так страстно отдавался Грибоедов с юных лет и до конца своей жизни, до нас дошли только два маленьких вальса, напечатанные в музыкальном сборнике: „Лирический альбом на 1832 год“, изд. Ласковского и Н. Норова. Правда, в мемуарной литературе мы найдем неоднократные упоминания о музыкальном таланте Грибоедова. Так, кн. В. Ф. Одоевский, сам прекрасный музыкант, обещал гр. Е. П. Ростопчиной переписать в ее альбом один из вальсов Грибоедова. М. И. Глинка пишет в своих записках: „Провел около целого дня с Грибоедовым, автором комедии „Горе от ума“. Он был очень хороший музыкант и сообщил мне тему грузинской песни, на которую вскоре потом А. С. Пушкин написал слова: „Не пой, красавица, при мне эту песен Грузии печальной...“ В зиму 1823—24 г. Грибоедов поселился у Бегичевых в Москве, и Е. П. Соковнина, племянница Бегичева, сообщает: „...тогда по вечерам раздавались его чудные импровизации на рояле, и я, имея свободный доступ в его кабинет, заслушивалась их до поздней ночи. У меня сохранился сочиненный и написанный самим Грибоедовым вальс, который он передал мне в руки... Почти ежедневными посетителями дяди были кн. В. Ф. Одоевский, В. Кюхельбекер, и часто оживлял общество весельчак А. Н. Верстовский, который тогда написал знаменитый свой романс „Черная шаль“ и пел его с особым выражением своим небольшим баритоном, аккомпанируемый Грибоедовым“. О том, что Грибоедов мог забывать за инструментом и окружающих, и обстановку, и весь мир—лучше всего свидетельствуют слова С. Н. Бегичева, сообщавшего, что, когда арестованного по делу декабристов Грибоедова с фельд’егерем на перекладных везли из крепости Грозной в Петербург, то в Твери, остановившись у сестры фельд’егера—

егера—„войдя в комнату... Грибоедов увидел фортепиано... не вытерпел и сел к нему... Десять битых часов его не могли оторвать от инструмента...“ И это когда не только каждый час, но каждая минута была на счету, когда жизнь арестованного висела на волоске.

К. Бороздин сообщает, что вдова Грибоедова, Пина Александровна, знала много пьес композиции мужа. Она охотно исполняла их любителям музыки. Нелишним будет подчеркнуть одно замечательное и опять-таки мало известное явление. Один из вальсов (sol-major), сочиненный Грибоедовым, по свидетельству Соковниной, в 1823 г., весьма примечательно напоминает известный cis-moll’ный вальс Шопена, написанный им гораздо позднее. На это удивительное сходство в свое время обращали внимание и теоретики, и композиторы.

Вальс А. С. Грибоедова

Однако до сих пор никто из музыкантов серьезно не занялся изысканиями в этой области, хотя, быть может, и здесь для многогранного творчества Грибоедова можно было бы открыть новые перспективы...

Все изложенное дает повод задать вопрос, каким образом зародилась у Грибоедова любовь к музыке, у кого он учился и почему мы так мало знаем его с этой стороны.

Свое детство и юность Грибоедов провел в Москве. На углу Новинского бульвара и Деятинского переулка до наших дней сохранился дом Грибоедовых, перед революцией находившийся во владении Усковых. Вот в этом-то доме и собирались долгое время выдающиеся представители тогдашней музыкальной Москвы: гр. Вильгорские, А. Н. Верстовский, кн. В. Ф. Одоевский, А. А. Алябьев, А. В. Всеволожский и др. Мать, Настасья Федоровна Грибоедова, дала сыну Александру и дочери Марии великолепное воспитание и образование. Лучшие гувернеры и педагоги того времени были приглашены к детям, и нет ничего удивительного, что учителем музыки у них был знаменитый англичанин Джон Фильд (1782—1837 г.), с 1804 г. поселившийся в России. Виоделлестви, где бы ни находился Грибоедов, он не мог обходиться без инструмента. Даже когда Грибоедов сидел арестованным в главном штабе по делу декабристов, то ухитрился играть. С. Н. Бегичев так говорит: „Я сказал уже, что Грибоедов был глубокий музыкант и, сидя в главном штабе, он так очаровал своего надсмотрщика, что тот выпускал его потихоньку каждую ночь подышать свежим воздухом, и Грибоедов ходил всякую ночь в дом Жандра ужинать и играть на фортепиано“.

Играл ли Грибоедов только на фортепиано, или же и на других инструментах также? Если обратиться к мемуарной литературе, то получаем любопытные данные. Так, родственник Грибоедова—Д. А. Смирнов,—рассказывая о многочисленных шалостях своего дяди и его приятелей во время их военной службы, описывает такой случай: „...В Брест-Литовске был какой-то католический монастырь, чуть ли не иезуитский. Вот и забрался раз в церковь этого монастыря (в 1814 г.) Грибоедов со своим любезным Стенаном Никитичем (Бегичевым), когда служба еще не начиналась. Стенан Никитич остался внизу, а Грибоедов, не будь глуп, отправился наверх, на хоры, где орган. Ноты были раскрыты. Собрались монахи, началась служба... Грибоедов был великий музыкант. Когда по порядку службы потребовалась музыка,

Грибоедов заиграл и играл довольно долго и отлично. Вдруг священнодейческие звуки умолкли, и с хор раздался наш кровный, наш родной „Камаринский“... Может судить, какой это произвело эффект, и какой гвалт произошел между святыми отцами...“ В воспоминаниях о студенческих годах жизни Грибоедова можно найти неоднократные указания на участие его в студенческих концертах и спектаклях в Московском университете и в Благородном университетском пансионе. Между прочим, там есть упоминание Василия Аполлоновича Ушакова, что Грибоедов играл на флейте. Таким образом, даже и при сравнительно небольшом углублении в источники и материалы, касающиеся жизни и творчества писателя, легко устанавливается то обстоятельство, что Грибоедов знаком был со многими инструментами и не задумываясь играл и на фортепиано, и на органе, и на арфе, и на флейте. Не лишним считаем добавить, что к своим первым театральным пьесам Грибоедов всегда писал музыку¹ или подбирал подходящую и транспонировал ее как для пения, так и для танцев действующих лиц, как опытный в этой области композитор-музыкант, каковым и сам он себя, повидимому, признавал совершенно не стеснясь. Так, на предложение весельного министра иностранных дел гр. Нессельроде ехать на дипломатическую службу в Персию, Грибоедов с жаром ответил: „Музыканту и поэту нужны слушатели и читатели,—их нет в Персии...“

Какая причина несправедливого исчезновения несомненно талантливых музыкальных произведений Грибоедова?

Ответом на это служат горькие слова нашего гениального писателя и гордости русской поэзии... Ровно через три месяца после катастрофы, обрушившейся так неожиданно над дипломатической миссией в Персии, в конце апреля 1829 г. А. С. Пушкин видел, как жалкая, скрипящая арба везла в горах, недалеко от русской границы, гроб с телом, пазванным ему именем „Грибоеда“. Грустные пророческие слова пришли в голову А. С. Пушкина, глядевшему вслед удаляющейся жалкой погребальной колеснице: „Замечательные люди исчезают у нас, не оставляя по себе следов... Мы ленивы и любопытны!“

Ф. Малинина

¹ В настоящее время в Москве, в Московском государственном Реалистическом театре поставлена комедия „Своя семья“, написанная в 1817 г. А. Грибоедовым, Н. Хмельницким и А. Шаховским. Музыка в антрактах и в финале пьесы, как значится в афишах, „сочинения А. С. Грибоедова“.